

Бредихина Н.В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

СЕМИОТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье предлагается рассмотреть семиотический метод как инструмент исследования исторической реальности. Применение семиотического анализа позволяет проследить механизм формирования исторической реальности и понять смысл событий прошлого для современности.

Воссоздавая историческую реальность, мы имеем дело не с самими событиями прошлого, а с интерпретациями этих событий, с установлением нового значения этих событий для современности, которое проявляется в знаково-символической форме.

Изучение интерпретации истории с точки зрения семиотики уже с середины XX века становится одним из приоритетных направлений гуманитарных наук, поскольку именно с этого момента линейная история осознается не более как один из возможных способов постижения прошлого, причем способ достаточно абстрактный. В качестве способа преодоления абстрактных конструкций линейной истории многие исследователи (Ю. Кристева, Б.А. Успенский, Ю.В. Шатин и др.) предлагают рассматривать историю с семиотической точки зрения, поскольку любое понимание прошлого представляет собой семиотическую структуру, репрезентирующую события прошлого, которая либо опирается на другую структуру, либо ей противостоит.

Семиотичность существования исторической реальности задается прежде всего тем, что мы рассматриваем интерпретацию как механизм формирования исторической реальности. Интерпретация, по словам Г.П. Щедровицкого, «ставит события в определенные отношения сопоставления и, таким образом, выделяет или создает некоторое содержание (выделено мной. – Н.Б.). Оно фиксируется в какой-то знаковой форме» [1, с. 529]. Эпоха создает рассказ о прошлом, то есть историческую реальность, тем самым облакает рассказ в знаковое выражение. Историческая реальность современна этому рассказу, но не самим событиям. Именно анализ знаково-символической формы исторической реальности позволяет понять, каким образом устанавливаются отношения между прошлым и современностью.

Акцент на семиотической природе исторической реальности ставили в своих работах М.Ю. Лотман и Б.А. Успенский. Следует отметить также, что одним из первых, кто обратился к рассмотрению истории как семиотического феномена, был Г.Г. Шпет. Он писал: «История по существу не может довольствоваться «внешностью», ибо начинает с утверждения, что то, что ей дано, есть только знак, раскрытие этого знака – её единственная задача», и единственный способ постижения истории – это интерпретация [2, с. 63]. Кроме того, именно Г.Г. Шпет настаивал на «подходе к проблеме истории, как к проблеме действительности <...> которой свойственно изменяться» [2, с. 52]. Действительность им понималась как то, «что нам «дано», как то, что мы «находим», как то, что нам является, наконец как то, что сознается нами как создаваемое» [2, с. 53]. На наш взгляд, все последующие работы, посвященные изучению семиотического аспекта интерпретации истории, так или иначе продолжают традицию, заложенную Г.Г. Шпетом: реконструировать смысл исторической реальности через изучение сложной системы референциальных отношений, возникающих между современностью и прошлым.

Взгляды Ю.М. Лотмана, как автора универсальной семиотической теории, на природу истории как на механизм интеллектуальной деятельности вообще и семиотическую природу интерпретации истории в частности шире всего представлены в монографии «Внутри мыслящих миров». Прежде всего Ю.М. Лотман обращал внимание на то, что понятие исторического факта очень сильно отличается от понятия факта в других науках. Он отмечал, что «исторический факт – не концепт, не идея, он есть событие, которому придано значение. В результате факт, выбранный отправителем, оказывает-

ся шире значения, которое ему предписывается в коде, и, следовательно, однозначный для отправителя, он для получателя подлежит интерпретации» [3, с. 337], и чтобы понять, каким образом было проинтерпретировано событие прошлого, необходим семиотический уровень осмысления этого события. Он подчеркивал, что «некоторые тексты из хронологически более ранних пластов вносятся в культуру, взаимодействуя с её современными механизмами, генерируют образ исторического прошлого, который переносится культурой в прошлое и уже как равноправный участник диалога воздействует на настоящее. Но в свете трансформированного настоящего и прошлое меняет свой облик» [3, с. 389]. Автор неслучайно говорит об образе прошлого, образ прошлого возникает лишь в процессе интерпретации настоящим прошлого. Исходя из данной концепции, можно прийти к выводу, что историческая реальность существует как постоянный диалог настоящего и прошлого. Самим интерпретационным процессом задается семиотический уровень осмысления проблемы, как существования, так и изучения исторической реальности. В этом концепция Лотмана очень близка концепции Б.А. Успенского, изложенной в статье «История и семиотика: восприятие времени как семиотическая проблема». С точки зрения Успенского, интерпретация истории как процесса осмысления настоящим прошлого предполагает превращение «не-знака в знак прошлой реальности, не-историю в историю» и, следовательно, историческая реальность «по самой своей природе семиотична» [4, с. 11]. Таким образом, событие прошлого становится историческим, то есть исторически зримым для настоящего событием, в результате семиозиса. Современность выступает как «семантическая доминанта, которая сразу освещает предшествующие события, оставшиеся в нашей памяти, соединяя их причинно-следственными связями, мгновенно сцепляя их в сюжетный ряд. Эта конечная интерпретация задает ту точку зрения, ту перспективу, с которой видятся эти события» [4, с. 14]. Как мы видим, в концепциях Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского подчеркивается,

что семиотический уровень осмысления исторической реальности задается самим интерпретационным процессом.

Однако в современной исследовательской литературе остается без внимания вопрос использования семиотического анализа для изучения исторической реальности. Тогда как семиотический анализ исторической реальности позволяет понять, каким образом были установлены отношения значения между современностью и прошлым, в результате которых знаковое восприятие событий прошлого и обладает способностью представлять (репрезентировать) объективную действительность, то есть в результате чего события прошлого и получают статус «действительно происходивших». Применение семиотического анализа позволяет определить своеобразие исторической реальности той или иной эпохи. Поскольку мы пришли к выводу, что вновь обретенный смысл прошлого создает новые условия бытия, становится понятной актуальность проведения семиотического анализа исторической реальности, обнаруживающей смысл событий прошлого для современности. Семиотический анализ будет выступать механизмом изучения смыслового поля (поля значений) событий прошлого, воссозданного интерпретацией.

Чтобы избежать терминологической путаницы, оговорим, что мы имеем в виду под понятием «знак». В этом вопросе мы следуем за Ч. Пирсом, который определял понятие знака следующим образом: «знак есть нечто соотнесенное с иным в каком-либо отношении или по какому-либо признаку. Знак замещает нечто, а именно свой объект. Он замещает его не во всех отношениях, но в соотнесении с той идеей, которую я называю базисом, или основанием знака» [5, с. 79]. П. Рикер писал о том, что осознание какого-либо события прошлого в качестве реального возможно лишь как «присутствующий знак отсутствующей вещи», отмечая, что «здесь эпистемология истории граничит с онтологией «бытия в мире» [6, с. 396]. Таким образом, данная позиция заключается в том, что историческая реальность существует как знак прошлых событий, замещая эти события для современности.

Процесс интерпретации выступает как семиозис, поскольку «процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом» [7, 2000, с. 47]. Семиозис обычно рассматривается как процесс, включающий три фактора: первое – то, что выступает как знак; второе – то, на что указывает знак (*refers to*); третье – воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. В качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор [Моррис, 2000, с. 47].

Если следовать традиционному определению семиозиса, то в исторической реальности следует выделять: во-первых, образ некоего события прошлого, выступающий как знак для современности. Так образ Ивана Сусанина как национального героя складывается в начале 1810-х годов в опере Шаховского-Кавоса, написанной в 1812 и поставленной в 1815 году. Дальнейшее развитие и каноническое оформление этот образ получает в книге С.Н. Глинки «Русская история в пользу воспитания», изданной в 1817 году. Этот выстроенный Сергеем Глинкой сюжет воспроизводит затем Рылеев, а позднее Михаил Глинка в опере «Жизнь за царя», во-вторых, событие прошлого, на которое указывает этот образ. Для нашего примера это события польской интервенции начала XVII века. В качестве третьего фактора выступает причина, в силу которой современность воспринимает события прошлого, трансформируя их тем самым в историческую реальность. Первоначально образ Ивана Сусанина, крестьянина, оказавшего сопротивление интервентам, оказался востребован не только в благодаря подъему патриотизма в ходе Отечественной войны 1812 года, но и благодаря тому, что достаточно значимым фактором победы русских войск стало партизанское движение, а Иван Сусанин в исторической реальности того времени воспринимался как первый партизан. В 1830-е годы он стал воплощением уваровской концепции самодержавия-православия-народничества. Неслучайно Николай I, путешествуя в 1834 г. по России, дал разрешение на сооружение в Костроме памятника Михаилу Романову и Сусанину; памятник

был воздвигнут в 1851 г. по проекту В.И. Демута-Малиновского. Следует отметить, что образ Ивана Сусанина оказался крайне устойчивым и пережил не одну смену идеологической парадигмы. Практически при всех политических режимах Сусанин становится официальной визуализацией формулы единения народа и власти.

Как видно из приведенного выше примера, семиотический анализ позволяет рассмотреть историческую реальность как сложную структуру, значение которой можно понять на пересечении различных кодов.

Парадоксальность существования исторической реальности заключается в том, что зачастую мы можем наблюдать, во-первых, историческую реальность при отсутствии референта как такового, т. е. когда есть образ прошлого, имеющий значение для современности, созданный современностью, при фактическом отсутствии того или иного события или персонажа. Ярким тому примером может служить образ Вильгельма Телля. А во-вторых, не редкостью являются совершенно различные исторические реальности при наличии одного и того же референта. Следует отметить, что ситуация существования знака при отсутствии референта характерна не только для исторической реальности. Так У. Эко в качестве примера знака с отсутствующим референтом приводит единорога и предлагает анализировать данный тип знаков с позиции того, «какие образы рождает данный знак в уме адресата, человека определенных культурных навыков, сложившихся в определенное время» [8, с. 51]. В исторической реальности какой-либо образ прошлого без референта следует рассматривать с позиции, почему современность создала этот образ, почему, для каких целей он был востребован. На наш взгляд, именно семиотический метод дает возможность изучения исторической реальности с позиции значимости для современности того или иного образа прошлого.

Однако без должного внимания остается сам семиотический анализ исторической реальности, механизм изучения исторической реальности, тогда как он позволяет рассмотреть, каким образом были проинтерп-

ретированы события прошлого, то есть понять, как была сформирована историческая реальность, почему те или иные события прошлого стали исторически значимы для современности.

Понять значение события прошлого для современности можно, рассмотрев семиотический аспект исторической реальности определенной эпохи, используя прежде всего бинарную модель Ф. Соссюра «означающее – означающее». [9, с. 34] Проанализируем с этой точки зрения историческую реальность, сложившуюся в 30-х годах прошлого века в Советском Союзе. Многим, и прежде всего эмигрантам, был непонятен интерес советского общества к фигурам не только государственных и военных деятелей царской России, но и монархам, Александру Невскому, Петру I, Ивану Грозному. Однако если рассмотреть эту историческую реальность с позиции означающее – означающее, где выдающиеся полководцы и правители будут, безусловно, выступать как означающее, а определенная политическая ситуация – как означающее, то будет понятна правомерность привлечения именно этих фигур, поскольку они, во-первых, в какой-то мере обеспечивали правопреемственность нынешнего государства с Российской империей (идеалы интернационализма и революционных потрясений перестали быть тотальными), во-вторых, все вышеперечисленные правители были склонны к деспотическим методам управления страной (и здесь проводилась мысль о закономерности культа личности Сталина), и в-третьих, такая ссылка на исторические авторитеты оправдывала экспансивную внешнюю политику СССР. Как мы видим, рассмотрение исторической реальности через модель означающее – означающее позволяет понять, каким смыслом наделяет современность события прошлого, формируя тем самым определенную историческую реальность. В качестве означающего всегда будет выступать какое-либо событие или личность из прошлого, которое будет указывать на современную ситуацию, т. е. настоящее будет определять себя через прошлое. Историческая реальность конструируется по аналогии с современными событиями

ми, причем события современности играют роль одновременно и центрального члена, и базовой модели. Понимаемая таким образом историческая реальность обладает коннотативными смыслами, зависимыми от социокультурного, идеологического контекста. Однако, поскольку Ф. Соссюр исследовал статические состояния знаковых структур, в центре его внимания оказывается общая система структурных закономерностей вне их динамического развития. Следовательно, мы не можем полностью полагаться на модель «означающее – означающее» при анализе такого постоянно развивающегося образования, как историческая реальность. Следование данной модели может привести к невозможности интерпретации исторической реальности, то есть к непониманию значения актуализации тех или иных граней прошлого. Адресат должен понимать знак. В противном случае его значение ускользает от адресата. Даже современники не всегда понимают значение какого-либо явления, о чем свидетельствует следующий пример: демонстративный смысл ношения русского платья московскими славянофилами был вполне понятен самим славянофилам и их противникам западникам, за пределами этого круга та же знаменитая мурмолка К. Аксакова воспринималась не более как чудачество. А.И. Герцен иронизировал по этому поводу: «К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персиянина» [10, с. 148]. Тем более легко ошибиться в своих выводах, руководствуясь данной моделью при анализе такой сложной, динамической системы, как историческая реальность.

На наш взгляд, историческую реальность следует рассматривать по схеме, предложенной последователем Ч. Пирса Ч. Моррисом. В работе «Основания теории знаков» он писал: «Наиболее эффективно знак можно охарактеризовать следующим образом: **З** есть знак для **И** в той степени, в какой **И** учитывает **Д** благодаря наличию **З**» [Моррис, 2000, с. 48].

Рассмотрим по этой схеме выше приведенный пример: Куликовская битва (**З**), отраженная в памятниках куликовского цикла, несомненно, являлась для русского общества (**И**) знаковым событием, благодаря которо-

му русское общество осознавало свою антиордынскую борьбу (*Д*), что и составляло основу исторической реальности XIV-XV веков по представлениям всех последующих поколений. Таким образом, *Д* мы можем рассматривать как некую историческую реальность, которую учитывает современность *И*, благодаря наличию знака какого-либо события. Отметим, что Куликовская битва, ставшая знаковым событием русской истории, являет собой крайне редкий пример события, не меняющего своего значения на протяжении более пяти веков, оставаясь фактически неизменной исторической реальностью. Попытаемся проанализировать пример, где одно и то же событие не только является знаком различных исторических реальностей, но, прекращая свое существование как знак, отрицает тем самым историческую реальность, знаком которой оно воспринималось. В качестве такого примера можно назвать призвание варягов на Русь. Для общественного сознания русского общества (*И*) это событие являлось несомненной исторической реальностью, будучи знаком (*З*) основания русской государственности (*Д*). В советской историографии отрицалась теория норманнского происхождения государства, и призвание варягов более не являлось исторической реальностью, в результате чего процесс зарождения русского государства лишался своей прозрачности. В настоящее время этот поход расценивается

как историографический факт, являющийся знаком дореволюционной историографии вообще и теории норманнского происхождения русского государства в частности, благодаря которому мы рассматриваем и оцениваем русскую историографию.

Таким образом, мы предлагаем рассматривать историческую реальность как особого рода знаковую систему, понимание которой возможно в рамках референциальных отношений, возникающих между современностью и прошлым. Поскольку одно и то же событие может выступать референтом различных исторических реальностей, то именно семиотический анализ неизбежен для понимания исторической реальности, поскольку позволяет понять, во-первых, почему современность выделяет те или иные события прошлого, а во-вторых, позволяет определить значимость событий прошлого для современности.

Более того, семиотический анализ позволяет понять, на каких основаниях происходил в процессе интерпретации отбор значимых для современности фактов, т. е. каким образом была сформирована та или иная историческая реальность. Применение семиотического анализа при изучении исторической реальности позволяет увидеть, как в воссоздании исторической реальности какой-либо эпохи воплощались и решались проблемы самосознания этой эпохи, через определение значений событий прошлого.

Список использованной литературы:

1. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.
2. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критическое и методологическое исследование. Материалы. В двух частях / Под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 1168 с.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. С. 285-446.
4. Успенский Б.А. История и семиотика // Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 10-37.
5. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 380 с.
6. Рикер П. Память, история, забвение. М., Изд-во гуманитарной литературы, 2004. С.728.
7. Моррис Ч.У. Основания теории знаков. // Семиотика. Антология. /Под ред. Степанова Ю.С. М: Лого., 2000. С. 45-97.
8. Эко У Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: ТООТК «Петрополис», 1998. 432 с.
9. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. Пер. с фр. яз. Под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
10. Герцен А.И. Письма // Соч. в 9 том. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1956. С. 148-154.